

Про кино

Кино я смотрю на компьютере почти каждый божий день. Не скажу, что совсем без ума от него или души не чаю, но вот имею привычку. Чалдоны говорят по схожему поводу: "до чаю трэба звычайу", – что значит: "к чаю надо иметь привычку". И при этом подмигивают.

А моя подруга имеет привычку звонить по вечерам – проверяет, сплю ли я уже, и спрашивает:

– Ну, что ты сегодня посмотрел?

– Да какую-то американскую гадость.

– А что же смотрел, если гадость? Выключил бы. Я всегда так делаю.

– А я не всегда. Надо же знать, чем кончилось.

– Ну, я тебе удивляюсь!

И дальше идёт долгое поучение, что так нельзя тратить своё драгоценное время, которого у нас не так уж и много. Хотя, кто может знать, сколько его у нас? И может, я уже сэкономил чуть-чуть, чтобы узнать, что герои фильма поженились и жили вместе долго и счастливо? Целых два года – до следующей картины.

Как же нашла меня такая привычка, с чего пошла? Пожалуй, с раннего, дошкольного детства.

Мы жили на сопке. Точнее, в нашем городе почти все жили на какой-нибудь сопке. Но вот у нашей сопки никто не знал названия. Слева была Сапёрная сопка, справа – легендарная Орлиная сопка, а нашу, самую красивую и высокую, видную отовсюду, похожую на лежащего тигра, никто никак не называл, как будто её и не было вовсе. Но у нашей сопки была особенность: где-то на половине бока тигра (или на середине лица сопки) её незаметно

украшала, выступая немного, совсем небольшая сопочка – вот на ней мы все в детстве и жили.

На нашей малой сопке располагалось 4 длинных бревенчатых барака, водокачка и несколько частных домов. Снизу к баракам от военного шоссе, длинной петлёй огибающего по самому основанию Сапёрной сопки оба берега Первой речки, тянулась через переезд железной дороги и мимо водокачки крутая и кривая узкая улочка с вечно стекающим по ней ручьём. Грузовики надрывались взбираться по ней к баракам, или спускаться на тормозах, рискуя свалиться в ручей, и многие предпочитали объездной путь справа от водокачки в четыре раза длиннее. Зато зимой детворе было удовольствие кататься здесь на санках с самой кручи, начинавшейся у нашего барака, – как раз возле калитки двора нашей квартиры. Съезжая по круче, саночники метров через 30 сворачивали на самую кривую улочку с подскоком, на котором отбивали себе нутро.

Летом же спуск на грузовике с кручи требовал хороших тормозов, а подниматься так и вообще никто не брался. Отец на спор, когда работал на огромном трёхосном "Студебеккере", попытался – чтобы показать превосходство американской техники. Над ним долго смеялись.

От малой сопки до верха большой тигровой сопки путь был уже более лёгкий, и люди уважительно называли малую сопку просто сопкой. Так и говорилось:

– Где живёшь?

– На сопке.

– А, на вашу сопку пока выберешься, богу душу отдашь.

На нашей сопке росли трое тополей, на которые запрещалось, и много полыни. Между круглой вершиной и бараками была ровная чуть покатая площадка, которой заканчивался объездной путь к нам. На этой площадке

хорошо игралось в футбол. Но была проблема: по мячу нельзя было бить сильно. И не потому, что мяч полетит к тётке Шуре в огород. Она хоть и суровая на вид, но не сильно вредная. Площадка была между двумя пренеприятными спусками. С юга – это не очень крутой, но очень каменистый объездной путь. Я сам там как-то упал, зашиб коленку о камень и неделю пролежал, не выходя из дому. А вот с севера – та самая круча, переходящая в улицу с ручьём. Если не догонишь мяч в начале, то он может укатиться почти до самой водокачки. А надо ещё подниматься обратно. Бежать за мячом, естественно, виновнику. Если пропустил, то вратарю, а если промазал, то нападающему.

Верхушка нашей сопки была бесхозная, на западном склоне её кто-то сажал картошку, и туда тоже запрещалось, но зато каменистый юг и сама вершина были нашими, то есть детей. Однако, малышню туда не пускали сами дети, и было почему. Там остались два круглых окопа от зениток, а на крутом южном склоне стояли подряд две скалы: одна побольше, слон, и поменьше – конь. А пониже скал участок окружал не забор, а грязный и мокрый кольцевой окоп, полностью отделявший своим высоким бруствером нашу сопку от внешнего нижнего мира, где жили "враги". Из-за этого окопа на нашу сопку снизу никто и не заходил.

Вы уже поняли, что жизнь моя начиналась и текла отнюдь не в глухомани Тмутаракани, а в месте сугубо интересном – почти как у чёрта на куличках?

Однако время, когда мы малышня могли без опаски ходить и бегать по осыпающимся под ногами камням скалистой вершины нашей сопки, ещё не пришло. Поэтому я не стану живописать величественный вид с неё на далёкое озеро Чан и шмат Амурского залива с танкерами на рейде, на трамвайный путь с красными звенящими трамваями и на ярко блестящие рельсы станции 1-я Речка. Не стану

смаковать, как хорошо кататься на тёплом слоне и горячем коне, как здорово в цирках зенитных окопов разыгрывать былины о трёх богатырях или слушать под звёздным небом страшные рассказы старших девочек, и много чего ещё.

Пока меня оттуда гоняют и в прятки возле сараев не всегда берут, но можно пускать кораблики в ручейках во дворе с приятелями после дождя, или стоять у барака и считать вдали у подножия Сапёрной сопки разные машины, идущие по военному шоссе: легковые и грузовые, полуторки и трёхтонки, "Форды" и "Виллисы", ГАЗы и "Студебеккеры", в город и из города, направо и налево.

Чудесное было время, но давайте говорить о кино.

В те времена утюги были чугунными и в них насыпали горящие угли из печки, сахар был комковой, и его разбивали на кусочки ручкой вилки или молотком, а радиоприёмники были большой редкостью. Сейчас и забыли уже, какой он был – радиоприёмник. В наших бараках даже динамики (или радиоточки) были не у всех. У нас не было. Отец любил возиться с домашней техникой, а так как своей почти не было, он таскал от знакомых поломанные вещи на починку: часы всех мастей, утюги, магнето, фонарики и даже один раз балалайку. С неделю после починки вещь оставалась у нас и радовала быт. Так я познакомился с граммофоном и патефоном, а затем с радиолой и небольшим радиоприёмником "Москвич", который должен был ловить "вражьи голоса", но кроме позывных с китайской мелодией ничего толкового не выдавал.

Особенно популярны были часы. Карманные на толстой цепочке, с витиеватой нерусской надписью "Мозер", будильники, простые ходики и напольные часы с боем. Для женщин наручные часы были ещё и украшением – имели особую ценность. Как радовались эти наивные создания возвращению своих сокровищ к жизни! Отец устраивал для

них настоящее представление. Он напускал на себя вид знатока, важно брал часы в руку и говорил: "Ну, что ж, посмотрим". Потом садился за стол и доставал сапожный нож, при виде которого лёгкое "ох" срывалось с губ гостя. Пока дамы пили стакан чая, он вскрывал ножом корпус и, вставив в глаз лупу, смотрел, всё ли цело.

– "Не ходють?", – спрашивал. – "Не ходят". – "На пол не роняли?" – "Да вроде нет". Тогда начиналось второе действие. Отец заострял ножом спичку и капал капельку одеколону ею в механизм. Подождав немного – капельку машинного масла. Затем, как фокусник, дул на часы и показывал их не понимающей гостье. Потом шумно захлопывал корпус, устанавливал время и подносил часы к уху владелицы: "Носите на здоровье". Отпад был полный.

Но, что до меня, во всех этих радиолах, патефонах, гармошках, балалайках и часах чего-то не доставало. Было мало нового, информации. Пластинки в патефоне были интересными, но скоро заучивались наизусть. Однажды у соседей я увидел на стене огромный чёрный картонный круг громкоговорителя, и он о чём-то вещал. Это меня поразило, и я рассказал отцу. Он усмехнулся, типа, что в этом сложного и интересного. Но вскоре радиоточка появилась и у нас. Это была революция в сознании.

Радио включалось в без пяти шесть утра и будило всех чудной мелодией Мусоргского "Рассвет на Москва-реке". Ровно в 6 торжественно звучал гимн Советского Союза. Затем передавалась утренняя гимнастика, которую я одно время делал, пока не понял глупость затеи. Затем – новости и программа передач на день, и объявлялся перерыв до 11 часов, когда начинались передачи для школьников второй смены. Передачи для первой смены начинались в 16. Я находил время послушать обе, усевшись под динамиком, чтобы ничего не пропустить.

Это были шедевры. Радиопостановки и просто художественные чтения. Многие из передач вошли в сокровищницу Радиофонда СССР. Но далеко не все. В нашем городе был драмтеатр. Конечно же, я его не посещал, но по слухам в нём работала мощная группа талантливых артистов. Одного из них впоследствии взяли в Москву, и он стал там заслуженным или народным. Так вот, эти ребята в передачах для школьников отрывались по полной и с энтузиазмом. Мне не надо было ходить в библиотеку и приобщаться к шедеврам литературы. Они читали сквозь чёрный динамик даже дореволюционные книги. Откуда что бралось? Я бесконечно благодарен этим настоящим деятелям культуры. За то, что они меня учили. И учили именно тому, чему надо учить любопытную душу.

Но я немного забежал вперёд. Пора вернуться к кино. Его я узнал раньше радио.

В обозримом дневном пространстве нашей сопки фильмы показывали только в двух залах: в клубе Мелькомбината и в ДК железнодорожников. Где-то вовне за Сапёрной сопкой был район 2-й Речки и аэродром. Оттуда иногда взлетали кукурузники и сбрасывали парашютистов. Это была уже граница города. Там где-то жил наш единственный родственник дядя Ваня, добродушный хохол, который иногда заезжал к нам с хохотушкой женой тётей Галей распить принесённую чекушку водки, запечатанную сургучом, и поспиваты песни. Тоже вовне, но где-то за Орлиной сопкой был центр (или "город"). Там были театры и кинотеатры, бухта и вокзал, цирк и зверинец, до которых добираться на трамвае битый час. Что было за тигриной сопкой, куда нас тоже не пускали, представить было сложно. А над нашей сопкой, как над центром мира, ярко светило солнце, согревая полынь и тополя, иногда для разнообразия лил дождь, и жизнь казалась раем.

Пока не появлялся слух о новом фильме в клубе Мелькомбината! Там были самые дешёвые билеты – по рублю. Хотя и рубль в хозяйстве не мешал. Сестра сговаривалась с подругой, а в нагрузку им давали меня бесплатного. Сестра считала себя обязанной воспитывать брата и постоянно вытирала мне нос платком, а мне так нравились эти прогулки, что я ей прощал.

Необычна была сама дорога. Надо было спуститься с сопки по объездному пути для машин до места, где жили "враги". Там был короткий корявый проход вниз к оврагу, по которому шла колея железной дороги и росла полынь выше человеческого роста. Налево километра через полтора колея дороги уходила под землю, в тоннель с охранником при винтовке в будке наверху. А нам надо было наоборот – идти направо вдоль колеи, перейти через неё и найти тропинку к дырке в ограде Мелькомбината. Это сильно сокращало путь: через двор комбината прямо к главному входу, а когда выбежишь, то тут же через улицу, где ходили трамваи, уже и клуб. Не знаю, кто этой "дыркой в ограде" пользовался, но легенда о ней устойчиво ходила. Не найдя дырки, мы шли вдоль колеи дальше метров 300 с гаком до переезда шоссе, заворачивали налево, переходя на трамвайную улицу, и шли по ней в обратном направлении битую остановку трамвая до конечной цели.

Территория мелькомбината вместе с хлебозаводом тянулась узкой полосой вдоль трамвайной линии почти на два трамвайных прогона и обнесена была мощнейшим забором. Сопка приходилась как раз около середины его протяжения, и её жителям, собиравшимся в город на трамвае (а на чём ещё?), чтобы попасть на остановку, надо было обходить ограду либо назад по улице, либо вперёд по обочине военного шоссе. Кто спешил, мог идти не по шоссе, а по шпалам, оглядываясь назад, не догоняет ли дрезина.

Итак, мы с сестрой и её подругой Ритой идём в кино с интересным названием: "Неразлучные друзья". Накануне шёл дождик, и мы стараемся наступать на камни, чтобы не скользить на дорожной глине. Вот и проход, в нём тоже мелкий ручеёк и глинистая тропинка. Хорошо, что полынь есть, чтобы ухватиться. Сестра недовольно берёт меня за руку. Но вот уже и овраг. Перед колеёй железной дороги – кювет, а по нему течёт ручей. Добрая душа положила через него два кирпичика. Я успеваю перебежать по кирпичикам дважды, за что получаю подзатыльник.

Рита пошла искать дыру в ограде и вернулась ни с чем. Ну что ж, идём по шпалам. Это неудобно, но вовсе не обязательно, когда идёшь один: слева от шпал – узкая тропинка. Но вот ещё чуть левее – и обрыв в левый кювет, а нас трое – широкогато. К тому же впереди узкий и высокий каменный мостик через непонятную речку. Не идти же по ней вброд. До переезда по шпалам доходим спокойно – ни поезда, ни дрезины не заметили. Сворачиваем налево и мимо будки стрелочника быстро, пока нас не засекли, проходим на улицу, по которой ездят трамваи.

Тротуара на нашей стороне улицы нет. Впрочем, вряд ли он был на другой стороне. С чего быть тротуару, когда дорога грунтовая? Но на нашей стороне начинался глубокий овраг, как водится, с ручьём на дне и заросший грязной толстой полынью. На перекрёстке у переезда переходить улицу с трамваями не стали – это единственный въезд в город и на нём всегда много машин, поэтому идём по узкой обочине дороги вдоль оврага.

– Иди ровно по тропинке, а то под машину попадёшь или в овраг свалишься, – говорит сестра, вытирая мне нос платком. Я послушно и чинно делаю пару-другую шагов точно по тропинке и вдруг неожиданно и загадочно ощущаю себя стоящим на дне оврага у самой воды. Овраг

глубочайший, полынь выше меня в два или три раза, заслоняет всё небо, а в оставшийся над ручьём просвет весело глядит с высоты голубой пятачок неба с мелкими белыми облачками.

– Как я сюда попал? Не падал вроде бы. И где остальные?

Тут сверху послышался реально испуганный крик сестры:

– Где он?! Куда пропал?

Я поднял голову на крик, но никого не увидел. Слева от меня наверх шла усыпанная мелкими камнями крутая тропинка. "Я по такой тропинке подняться не смогу, – подумал я, – разве что на карачках". Это я так говорил "на короточках". Действительно, тропинка узкая, крутая и высокая, и полыни возле неё мало. Я уж было намерился идти вдоль ручья искать другую тропинку, как сестра, наконец, заметила меня сверху. С трудом спустившись, она как-то умудрилась вытолкать меня на поверхность. Кому она больше вытирала нос, мне или себе, история забыла. Но я честно не был виноват в случае: кто мог знать, что моя тропинка раздвоится? Кому пришло в голову протаптывать крутую тропинку в овраг в этом диком месте?

Ладно, проехали – впереди нас ждёт кино. Держа меня крепко за обе руки, переходим через два ряда трамвайных рельс, уложенных на шпалы, и входим во двор между двумя высокими бараками. То ли бараки двухэтажные, то ли просто высокие – не понять из-за высокого забора двора, а с северной стороны, с улицы окон нет. Пока стоим в кассу, можно оглядеться.

Самое интересное – завалинка на торце второго барака. На ней всегда сидит с десяток человек. Слева она в два мальчишечьих роста, справа – в один. Забраться на неё можно только справа, заталкивая или затягивая приятеля.

Сидящие на завалинке веселятся вовсю: орут, матерятся, сталкивают с завалинки, хохочут и гоняются по узкой завалинке друг за другом. Однажды, когда подрос, я тоже забрался на эту завалинку. Тут же за мной забрался ещё один и сместил меня к левому краю. Затем ещё один и сместил нас обоих. Постепенно я сместился так на самый левый край и увидел, что спрыгивать с двойной высоты опасно. Это реально так. В студенчестве я один раз спрыгнул примерно с такой высоты на бетон. До сих пор в ноге чувствуется. Что было делать? Попытался уговорить пропустить меня поближе к правому краю. Все в ответ смеялись. Никогда не надейтесь на добросердечие людей. Редкость. Как выкрутился, не помню. Либо начали запускать в зал, либо помог спрыгнуть старший приятель с нашего двора. С тех пор замечаю у себя жуткую боязнь высоты.

А в первом бараке помещался кинозал. Он был узким и длинным, высоким и полутёмным, со сценой в глубине, над которой висел экран. Экран висел так высоко, что был хорошо виден с любого места. Кресла были деревянные, большие, с высокими спинками, и их жёсткие сиденья громко хлопали при вставании, так что могли разбудить любого. Но самым примечательным в зале была печка.

Она сразу бросалась в глаза. В стене напротив входа, посередине, занимая всю высоту от пола до потолка, был вмазан вертикальный чёрный цилиндр, обитый железом, с маленькой дверкой внизу. Как печь была устроена, с какой стороны топилась – для меня осталось загадкой. Но зимой рядом с ней сидеть было тепло. В зал цилиндр выступал лишь на четверть, так что креслам печь не мешала. Но вот где пряталась её большая часть? Явно не на улице.

Итак, все вошли, накричались, насвистелись, свет погас, кресла стучать перестали, и на экране появился

потрясающий кадр: на фоне бурного моря режет волны торпедный катер с надписью на носу: "Смелый". На борту под морским флагом стоят герои фильма и поют на вдохновенный мотив:

""Смелый", вперёд! Море зовёт.

Синие светлые дали.

Море любить — смелыми быть,

Слово мы Родине дали!

Слово недаром дадено,

Слово судьбою найдено.

Выполнить слово — всегда готовы.

Будь готов!"

Герои фильма — два мальчишка и девочка, которые мечтают поступить в морское училище, но не берут по малолетству. Нырять в бухте, они находят затонувший катер недалеко от берега и вместе с друзьями вытаскивают его из воды на сушу. То ли с помощью ворота, то ли накачанными шинами. Они его красят и решают играть с ним на берегу, как с настоящим. Но тут встречаются взрослые. Один из них узнаёт в катере знакомые черты и название катера, на котором он служил в войну. Взрослые восстанавливают катер и выходят на нём вместе с детьми в море. В красивом заключительном кадре катер рассекает волну, а герои, дети и взрослые, стоят под флагом и вдохновенно поют:

"Страна Советская — великая страна!

Стать капитанами поможет нам она.

Веди нас в плаванье сквозь бури и туман.

Сегодня море — синее, синее,

Завтра — океан!"

Красоту мелодии мешали оценивать громкие и частые хлопки кресел. Меня и толкали, и пинали со всех сторон, но я досмотрел фильм, стоя, до конца, дослушал

песню и запомнил её на всю жизнь. Не совсем точно, но это неважно.

Фильм потряс.

— Ну, что вы там такое посмотрели? – спросили нас дома. Девочки стали наперебой рассказывать, где кто жил, кто куда ходил, кто что говорил, кто что делал. Причём они передавали целые диалоги. Я ничего этого не помнил. Один раз вставил уточнение про подъём катера из воды – и всё. Как такое могло случиться? Я легко заучивал и "Мойдодыра", и "Дядю Стёпу", и "Тараканище", а какие-то девчонки кино запомнили лучше. Тем более, что это был не первый фильм, который я смотрел.

Первым фильмом был "Десятый удар". Про 10 Сталинских танковых ударов по фашистам. Вот там было, что посмотреть: танки с пушкой вперёд и с пушкой назад, самоходки, автоматы, зенитки, гаубицы, самолёты-истребители и бомбардировщики, катюши. Все они носились по экрану, стреляли каждая по-своему, взрывали и взрывались. Один кадр меня потряс. Перед колонной танков подорвали мост. Ну, просто взорвали пролёт моста в самом верху, так что дыра с полтанка возникла. Видя это, первый танк колонны поехал через реку вброд, и в воде у него заглох мотор. Второй решил перепрыгнуть пролом в мосту, но недостаточно разогнался и свалился в дыру с солидной высоты. А третий начал разгон издалека и перепрыгнул. Довольный танкист остановил танк, высунул-ся из люка и крикнул: "делай, как я" и "за Сталина". И все за ним стали быстро разгоняться и успешно перепрыгивать.

Придя домой, я наковырял во дворе немного глины и вылепил маленький танк, как в кино. Трудно было прилепить ствол пушки. Я его посадил на тонкую спичку. К утру танк подсох, и можно было с ним играть. Я вынес его во двор и увидел Сашку, сына учительницы, сидящего на

необычной куче – куче песка ведра в четыре-пять перед дверью соседки. Её раньше не было. Раз Сашке можно, то и мне? Он катал по куче кусок кирпича, похожий на машину. Я показал танк, мы с ним нашли ещё глины и стали лепить самолёты и танки. Получалось у Сашки не ахти, но он же не ходил вчера в кино. К нам подошли ещё дети, я налепил и для них, нашли подходящие кирпичики, и на обед нас было не зазвать. Только и слышно было: "Бух! Бах! Я тебя подвзорвал!" Но тут прошла мимо тётя Клава, и пошла ябедничать, что я якобы матерюсь, и остаток дня мне испортила. Я уже об этом рассказывал. На следующий день пролился дождь, размочил кучу, и играющих на ней стало меньше. А потом и вообще куча исчезла на ремонт в квартире нашей соседки. Но в памяти моей она осталась ярчайшим событием. Это было совсем не то, что ныне, когда самосвал песка высыпают в деревянную песочницу.

Третьим фильмом, оставившим след в моей душе, был трофейный "Тарзан". Говорили о нём много. И что в нём 6 серий (некоторые утверждали – 11), и что артисты красивые, умеют прыгать по деревьям и разговаривать с обезьянами и слонами. Вечером у нас во дворе пели блатную песню про Тарзана и Читу. В общем, ажиотаж был грандиозный. Но я так и не понимал из разговоров, что же в фильме было такого исключительного. Все вокруг только и мечтали, как бы сходить на все серии. Мне удалось посмотреть одну.

Когда наша троица подошла к клубу, двор его был забит галдящим народом. Его было явно больше, чем мест в зале. Надеялись прорваться. Так и случилось: на наших местах уже сидели наглого вида ребята. Но не на тех девочек нарвались: наши были покрупнее и понахальнее. Те, у кого не было билетов, уселись сверху на спинки кресел последнего ряда, образуя дополнительный ряд: "а что – мы

никому не мешаем". Кто-то спрятался под креслами и вылез после начала. Кое-кого застукали и вывели.

Кино началось с шикарного кадра: почти голый мужик держался одной рукой за верёвку, свисающую с дерева, и орал благим матом. Он проорал неповторимое слово типа "ор-ло-ло-о-ор-лор-лор-ла", оттолкнулся и перемахнул, висая на верёвке, как циркач, на другое дерево. Потом делал это не один раз, нырял в озеро, ловил рыбу, ел, пил, болтал с женщиной и обезьяной – в общем, развлекался, как мог. Ему мешали жить какие-то охотники, но напрасно. Ничего больше в фильме не было. Кстати, картинка была нерезкая и чёрно-жёлтая, а не чёрно-белая. В общем, не самое лучшее кино. Когда захлопали кресла, Тарзан снова заорал благим матом, и пошли титры.

Придя домой, девочки опять рассказывали подробно весь фильм, а я, завидуя им, дал себе слово научиться хорошо запоминать кино, но так до сих пор и не научился.

Что было ещё? Со временем я стал ходить в кино с друзьями или один. Мы освоили и кинозал ДК железнодорожников, и кинотеатры города, посмотрели много фильмов, потрясших наши души. Кто мог бы тогда нам сказать, что наступит время, когда почти любой фильм любой страны можно будет посмотреть на обычном (!) карманном (!!) телефоне (!!!) почти бесплатно? — Никто.

Не так давно я вспомнил про эти фильмы детства, решил найти их в интернете и освежить в памяти. Я посмотрел все серии "Тарзана" и не нашёл той, что видел в клубе. То есть, мужик орал тот же самый, но большая часть каждой серии была не в лесу: то в городе, то в самолёте, то в цирке. И даже на корабле и в машине. И женщина пропала на время куда-то из компании, и Чита. Странно это было: будто середины фильма в зале не показывали. Спал я, что ли, у тёплой печки? Не исключено.

Тогда я стал смотреть "10-й удар" и ждал, когда появится эпизод с танками на мосту. Его всё не было. Он оказался последним эпизодом фильма. Он как раз тогда появился, когда самые нетерпеливые зрители обычно решают идти на выход и начинают хлопать креслами.

Всё стало ясно: я безбожно дремал или даже спал большую часть фильма, пока меня не будило хлопанье кресел. А в темноте зала сразу же засыпал, как садился последний опоздавший на сеанс. Я не стал даже проверять догадку на третьем фильме: не зря сестра с подругой помнили его лучше. Но почему сестра меня не будила? Или всё же будила иногда – с целью воспитания? Не знаю.

Зато сейчас, когда смотрю кино на компьютере, и кресла вокруг меня не хлопают, я верхний свет не выключаю и честно, как ребёнок, смотрю всё – от начала и до конца, чая не пропустить самый интересный кадр. В вере, что этот кадр есть, что он должен быть. А может, по привычке. Может, я чаю в душе, что герои споют мне вдохновенными головами, стоя на палубе катера или у штурвала комбайна, или сидя за столом в лесной хижине? Кто её, душу знает? Когда же кадра не светит, то бывает, что да – отхожу от дрёмы по-мужски сам, и на паузе иду испить водички на половине кино после неинтересных разговоров. Как получается.

Когда-то я работал в научном институте. Там, помню, часто замечал в себе мощную тягу уснуть во время докладов именитых коллег в конференц-зале – на середине доклада. Просто невозможно было перебороть себя. Вы скажете, это от того, что я такой умный и всё у коллег понимал наперёд? Отнюдь нет. Думаю, это было потому, что в учёных залах кресла мягкие – не хлопают. Так что, увы, был прав Пушкин, говоря: "таков мой организм". И Прутков ему неплохо вторил: "зри в корень", намекая на сиденья кресел. Это их прозорливая истина про кино.